

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГЕ

В Ы П У С К V I I I

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1969

В. В. Струве

Л. А. Липин

**АКАДЕМИК В. В. СТРУВЕ
КАК ШУМЕРОЛОГ**

Мы поставили перед собой скромную задачу — хотя бы коротко рассказать об огромных достижениях В. В. Струве в области исследования клинописных культур, и в первую очередь шумерологии. Разумеется, в одной статье не представляется возможным охарактеризовать всю многогранную научную и педагогическую деятельность, которой столь дорогой нам, незабвенный Василий Васильевич Струве отдал свыше 50 лет, т. е. всю свою сознательную жизнь.

С юношеских лет В. В. Струве навсегда связал свою жизнь с Петербургским — Петроградским — Ленинградским университетом, в стенах которого он создал свою школу и выпестовал множество учеников, успешно продолжающих дело своего любимого учителя. Нет такого научного центра в нашей стране, где имя Василия Васильевича не произносилось бы с величайшим уважением.

Египтолог и классик по образованию, ученик акад. Б. А. Тураева, Василий Васильевич Струве, приват-доцент Петроградского университета, автор ряда серьезных научных трудов, в 1919 г. вновь садится на студенческую скамью, чтобы изучить семитические языки. Под руководством крупнейшего советского семитолога акад. П. К. Коковцова Василий Васильевич овладел аккадским (вавилоно-ассирийским), древнееврейским, арамейским и финикийским языками. П. К. Коковцов, находясь на позициях И. Галеви, отрицал еще тогда наличие шумерского языка, считая его аллографией аккадского¹, и В. В. Струве изучает его самостоятельно.

Эти штудии Василия Васильевича имели громадное значение для всей последующей советской историографии древнего Востока. Дело в том, что для определения способа производства материальных благ достаточны только царские летописи и официальные реликвии о победах над врагами и строительной деятельности, часто приукрашивающие истинное положение вещей. Такие сведения могут быть извлечены лишь из источников, где нет и не может быть умышленных попыток фальсифицировать факты. Нужны документы, в которых прямо или косвенно отражены производственные отношения, отношение непосредственных производителей материальных благ к средствам производства. От

¹ См.: В. В. Струве, П. К. Коковцов как ассириолог, — ЭВ, 1953, VIII, стр. 3 и сл.

эпохи древнего Египта подобных документов до нас дошло очень мало, ибо там писчим материалом служил такой хрупкий материал, как папирус. Даже египетские законы, на наличие которых в древности указывают некоторые источники, до сих пор не обнаружены. Очевидно, они погибли. Иное дело в древнем Двуречье (Шумере, Вавилонии и Ассирии) — там в качестве основного вида писчего материала употребляли глину, которую затем обычно обжигали. Оттуда до нас дошли законы и их фрагменты на шумерском, вавилонском и ассирийском языках, многочисленные юридические документы, административная и частная переписка и, что особенно важно, огромное количество документов хозяйственной отчетности из храмовых и царских латифундий Шумера эпохи III династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.) и других, более ранних эпох.

Вот почему с конца 20-х годов основные научные интересы В. В. Струве сосредоточиваются на исследовании клинописных материалов древнего Двуречья. Именно стремление разработать на марксистской основе историю древнего Востока побудило Василия Васильевича временно оставить египетские источники, недостаточные для реконструкции социально-экономической истории древнего Востока, и обратиться к наименее изученным и более трудным для изучения клинописным памятникам древнего Шумера. Особая заслуга В. В. Струве заключается в том, что он впервые привлек для своих исследований документы хозяйственной отчетности древнего Шумера, которые до него никто не использовал в качестве источников по социальной истории древнего Востока. В. В. Струве показал, что именно эти хозяйственные документы могут дать материал, позволяющий решить важнейшую историческую проблему — установить характер социально-экономического строя древнего Двуречья, а затем и других стран древнего Востока.

Действительно, до начала 30-х годов среди историков, в том числе и советских, господствовало мнение, согласно которому в странах Востока испокон веков существовал феодализм. Эта так называемая теория об «извечном феодализме» на Востоке, по существу отрицающая способность восточных народов к самостоятельному развитию, была доминирующей, ее принимали как неопровержимо установленный факт. И требовалось большое мужество и уверенность в своей правоте, чтобы выступить против давно установившихся взглядов.

К началу 30-х годов В. В. Струве уже накопил достаточный материал, позволивший ему создать стройную концепцию развития исторического процесса на древнем Востоке, основанную на марксистско-ленинской теории и в корне отличную от общепринятой.

В 1933 г. ученый выступил со своим знаменитым четырехчасовым докладом «Проблемы зарождения, развития и разложения обществ древнего Востока»², в котором впервые отвергает общепринятую концепцию об «извечном феодализме» на Востоке как несостоятельную, противоречащую и данным источников, и учению марксизма-ленинизма, и выдвигает тезис о рабовладельческом характере древневосточных обществ, утверждая, что только такое решение согласуется с основополагающей теорией марксизма-ленинизма о развитии общества. Аргументация новой концепции опирается на чрезвычайно широкий круг источников, изученных детальнейшим образом, в первую очередь шумерских источников, среди которых исключительно важное место заняли документы хозяйственной отчетности эпохи III династии Ура.

² ИГАИМК, 1934, вып. 77, стр. 32—184.

Ввиду исключительной важности доклада В. В. Струве, давшего новое направление советской историографии древнего Востока, по которому она успешно развивается до сих пор и на котором добилась выдающихся успехов, необходимо сформулировать основные положения этого доклада:

1. Раннее возникновение классовых обществ в Шумере и древнем Египте обусловлено появлением и развитием ирригационного земледелия, без которого сколько-нибудь нормальное существование больших человеческих коллективов в названных странах немыслимо.

2. Создание и содержание в порядке сложной ирригационной системы при низком уровне развития производительных сил требовало наличия многочисленной рабочей силы и порабощения военнопленных, которых прежде лишь убивали или принимали в свой род.

3. Таким образом, первым классовым делением общества было деление на рабов и рабовладельцев, а первыми рабами были военнопленные, захваченные во время столкновений между различными племенами.

4. Поскольку рабство появилось в раннюю эпоху, когда пережитки первобытнообщинных отношений еще продолжали существовать и не было организованной государственной власти, способной держать в повиновении рабов, то в качестве рабовладельцев первоначально выступал целый коллектив, а не отдельные лица. Такой коллектив, кроме всего прочего, был объединен общими религиозными воззрениями и общим культом. Важнейшие средства производства, включая и рабочую силу, т. е. рабов, формально принадлежали божеству, т. е. храму, и представляли собой коллективную собственность рабовладельцев. Труд рабов использовался главным образом на ирригационных работах, в то время как землю возделывали свободные граждане, члены общин, работавшие на храмовых землях четыре месяца в году.

5. Результатом применения рабского труда на ирригационных работах явился рост богатства общины; этому способствовало и развитие внешнего обмена, который в условиях южного Двуречья, где было мало технического сырья, играл особо важную роль в течение всей истории Шумера. Увеличение прибавочного продукта привело к имущественной дифференциации внутри общины и к выделению из нее зажиточного слоя, начавшего скупать земли рядовых общинников и использовать «высокие поля». Таким путем возникли частные, индивидуальные рабовладельческие хозяйства. Наиболее зажиточные представители шумерских рабовладельцев начинают накладывать свою руку и на храмовые хозяйства, за счет доходов с этих хозяйств создают «дружину», используемую ими не только против рабов, но и против рядовых общинников.

6. Реформы Урукагины (XXIV в. до н. э.), о которых сообщается в его исторических надписях на так называемых конусах В — С, были направлены в защиту интересов рядовых свободных граждан Лагаша, против произвола власть имущих. Однако результат подобных реформ не был длительным. Процесс дифференциации общины, обогащение ее «верхушечных» слоев и обнищание рядовой массы свободных граждан уже невозможно было предотвратить. Дальнейшее развитие производительных сил и значительное увеличение числа рабов, рекрутируемых в многочисленных войнах с соседями, а также из числа собственных граждан — должников, привело в эпоху III династии Ура к возникновению крупных царских хозяйств, подлинных рабовладельческих латифундий, в которых основной рабочей силой были рабы.

Такой далеко идущий вывод, как указывалось выше, был сделан

В. В. Струве на основании тщательного изучения документов хозяйственной отчетности царских латифундий эпохи III династии Ура и многих других источников данного периода.

Эти своеобразные счетоводно-бухгалтерские книги, дошедшие до нас в огромных количествах и впервые привлеченные автором в качестве источников по истории социально-экономического строя древнего Востока, содержат ценнейшие сведения. Именно они позволили В. В. Струве с неопровержимой очевидностью доказать, что основным способом эксплуатации непосредственных производителей материальных благ был рабовладельческий способ. Василий Васильевич показал, что в латифундиальных хозяйствах эпохи III династии Ура трудились две категории работников: одна — круглый год, а вторая — лишь около четырех месяцев в году, в наиболее напряженное время сельскохозяйственных работ. При этом количество довольствия, получаемого работниками за свой труд, было неодинаковым. Те, кто работал в латифундиальных хозяйствах круглый год, получали относительно гораздо меньше, нежели те, кто работал лишь четыре месяца в году.

Перед ученым возник вопрос, как охарактеризовать социальное положение работников, трудившихся круглый год. Они не могли быть феодально зависимыми крестьянами, так как, работая круглый год без перерыва, не имели времени для обработки своих участков, если таковые у них и были. Они, правда, могли быть наемными работниками. Однако, поскольку число их было велико (документы оперируют цифрами в тысячи и десятки тысяч человеко-дней³) и их было значительно больше, нежели работавших четыре месяца в году, то пришлось бы признать наличие чисто капиталистических производственных отношений в сельском хозяйстве Шумера III тысячелетия до н. э. и охарактеризовать социально-экономическую формацию Шумера как капиталистическую, что исключается.

Таким образом, единственным правдоподобным решением было определение способа производства в Шумере как рабовладельческого, что полностью согласуется с учением марксизма-ленинизма о смене социально-экономических формаций. Имевшиеся к тому времени в распоряжении ученых своды и фрагменты законов из Шумера, Вавилонии и Ассирии, самым серьезным образом изученные В. В. Струве, также подтверждали его основные положения.

Вначале эти новые положения о том, что общества древнего Востока носили рабовладельческий характер и не существовало принципиальных отличий античных рабовладельческих обществ и древневосточных, не были приняты многими историками древности. Некоторые из них резко выступали против теории В. В. Струве. Развернулась широкая дискуссия.

В своем заключительном слове (см. прим. 2) В. В. Струве подчеркнул необходимость продолжения и в дальнейшем «колоссальной работы» по более детальному филологическому и историческому исследованию первоисточников.

Это была подлинная программа творческой деятельности. Уже в 1934 г. Василий Васильевич опубликовал ряд новых исследований, в которых для лучшего обоснования тезиса о рабовладельческом харак-

³ Понятие человеко-дня уже было известно в Шумере III тысячелетия до н. э., что само по себе знаменательно, так как указывает на большой размах применения труда эксплуатируемых в латифундиальных хозяйствах древнего Двуречья. См.: В. В. Струве, Триумф абстрагирующей мысли в отчетности древнего Сумира, — «Бюллетень Второго Всесоюзного съезда математиков в Ленинграде 24—30 июня 1934 г.», Л., 1934.

тере эксплуатации на древнем Востоке привлек новые материалы клинописных источников. В этих работах⁴ конкретизовались высказанные в докладе общие положения, вносились некоторые уточнения, обсуждались детали.

В одной из статей этого периода⁵ В. В. Струве показал, что в шумерском языке различались два класса — класс лиц и класс вещей, причем каждый грамматический класс имел для своего обозначения особый морфологический показатель. Тексты, говоря об эксплуатируемых непосредственных производителях материальных благ, которых следует определить как рабов, всегда употребляют морфологический показатель класса вещей, а не класса лиц. Таким образом, сами шумеры рассматривали раба как вещь. Если перед именем собственным свободного человека ставился детерминатив в виде вертикального клина, то перед именем собственным раба (если это имя называлось) ставился знак, обозначающий слово «голова», т. е. рабов считали по количеству голов, как скот.

Все свои научные открытия, а также достижения других ученых В. В. Струве делал достоянием обширной студенческой аудитории. Так, уже в 1934 г. им был выпущен в свет первый марксистский учебник по истории древнего Востока в виде краткого студенческого конспекта⁶. В том же году вышли в свет три выпуска его лекций по истории древнего Востока, читанные им в Ленинградском университете⁷, в которых также нашла отражение его новая точка зрения на социальный строй стран древнего Востока. Основополагающие выводы об отсутствии качественного различия между восточными и античными рабовладельческими обществами изложены и в первых советских учебниках по истории древнего Востока для студентов высших учебных заведений. Эти учебники также принадлежат перу Василия Васильевича⁸.

К концу 30-х годов точка зрения В. В. Струве о рабовладельческом характере общественного строя древнего Востока стала главенствующей в нашей стране, она была признана подавляющим большинством советских историков древности. И хотя отдельные ученые продолжали еще некоторое время цепляться за старые, привычные взгляды, буржуазная теория об «извечном феодализме» на Востоке была окончательно похоронена. Журнал «Вестник древней истории» с полным основанием писал по поводу второго издания вузовского учебника по истории древнего Востока В. В. Струве: «В основу изложения истории древнего Востока в книге акад. В. В. Струве положено марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях, благодаря чему „История древнего Востока“ превращается из случайного сцепления фактов, каким она является в трудах буржуазных ученых, в осмысленный закономерный исторический процесс»⁹.

⁴ См. его работы: «Очерки социально-экономической истории древнего Востока», — ИГАИМК, 1934, вып. 97; Рабовладельческая латифундия в Сумире III династии Ура, — «С. Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности», Л., 1934, стр. 495 и сл.; Еще раз о рабовладельческой латифундии Сумира III династии Ура (ответ Н. М. Никольскому), — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7—8, стр. 211—222 и сл.

⁵ В. В. Струве, Рудимент классового показателя в шумерийском языке, — «Известия АН СССР», отд. общественных наук, 1934, № 10, стр. 211 и сл.

⁶ В. В. Струве, История древнего Востока. Краткий курс, М., 1934.

⁷ В. В. Струве, Лекции по истории древнего Востока, 1934, вып. I—III (на правах рукописи).

⁸ «История древнего мира», т. I. Восток, М., 1936. (Большая часть материала написана В. В. Струве); В. В. Струве, История древнего Востока, изд. 2, Л., 1941.

⁹ А. Р а н о в и ч, [рец. на:] Акад. В. В. Струве, История древнего Востока, — ВДИ, 1946, № 1, стр. 178.

Но и после выхода в свет второго издания учебника по истории древнего Востока В. В. Струве еще свыше двадцати лет продолжал разработку многочисленных клинописных исторических источников, давших богатейший материал, который позволил наполнить конкретным содержанием его первоначальные выводы. В 1947 г. В. В. Струве опубликовал статьи: «Общественный строй Южного Междуречья в эпоху III династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.)»¹⁰, «Проблемы истории древнего Востока в советской историографии»¹¹, «Советское востоковедение и проблемы общественного строя древнего Востока»¹².

В 1948 г. и в последующие годы Василий Васильевич продолжал разрабатывать эту же тему, самую важную для истории древнего Востока, и в результате поистине титанического труда появляется ряд статей, в которых приводится огромный материал источников, вновь подтверждающий его первоначальные выводы о рабовладельческом характере общественного строя древнего Южного Двуречья, и вносятся многие уточнения. Таковы, например, его «Новые данные об организации труда и социальной структуре общества Сумера эпохи III династии Ура»¹³, «Лагерь военнопленных женщин в Шумере III тысячелетия до н. э.»¹⁴, где показан размах применения рабского труда в древнем Двуречье III тысячелетия до н. э. и безжалостная эксплуатация рабов, «К специфике рабовладельческих обществ древнего Востока»¹⁵, «Значение сводок надзирателей отряда работников царского хозяйства III династии Ура»¹⁶ и многие другие.

Прекрасное обобщение более чем двадцатилетних трудов по социальной структуре общества древнего Двуречья было сделано В. В. Струве в первом и втором томах «Всемирной истории» АН СССР¹⁷, в которых его перу принадлежат не только главы по истории Шумера и Вавилонии, но и главы по истории хеттского царства, финикийских городов-государств, древней Палестины, Ирана и Средней Азии, стран Средиземноморья и Аравии. В. В. Струве принимал также активное участие в научном редактировании остальных глав первых двух томов «Всемирной истории», написанных другими авторами.

Обладая огромной эрудицией, будучи не только историком в самом широком смысле слова, но и филологом, Василий Васильевич никогда не основывал свои исторические выводы на филологической интерпретации источников, данной другими учеными, хотя и учитывал ее. Исторические труды В. В. Струве всегда базировались на собственных филологических исследованиях, неизменно точных и безукоризненных, являвшихся вкладом в древневосточную филологию.

Не имея возможности проанализировать все филологические труды Василия Васильевича, отметим только некоторые из них, представляющие собой образец тонкого понимания сложной грамматики шумерского и аккадского языков и в то же время имеющие громадное значение для правильного понимания исторических процессов и явлений, которые нашли отражение в исследованных ученым источниках.

¹⁰ «Юбилейный сборник, посвященный 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, М.—Л., 1947, стр. 720 и сл.

¹¹ ВДИ, 1947, № 3, стр. 17 и сл.

¹² «Вестник ЛГУ», 1947, № 11, стр. 233 и сл.

¹³ «Советское востоковедение», 1949, № 4, стр. 149 и сл.

¹⁴ ВДИ, 1952, № 3, стр. 12 и сл.

¹⁵ «Вестник ЛГУ», 1953, № 9, стр. 81 и сл.

¹⁶ «Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. Секция ассириологии», М., 1954, стр. 33 и сл.

¹⁷ «Всемирная история», т. I, М., 1955; т. II, М., 1956.

К ним прежде всего относится работа «Значение двух основных глагольных префиксов в шумерийском языке»¹⁸, где подвергаются критике теории крупнейших шумерологов — Тюрро-Данжена, Витцеля, Деймеля, Пёбеля, Шольца, Шилейко, Рифтина, Кристиана, Жестэна, Фалькенштейна и Сольберже — и доказываются неприемлемость их выводов. В 1962 г. В. В. Струве, несмотря на приковавшую его к постели тяжелую болезнь, вторично возвратился к указанной проблеме и подготовил новый доклад, зачитанный на Второй Всесоюзной сессии по изучению древнего Востока¹⁹. В этом докладе он с исключительной убедительностью обнажил главные недостатки глагольных теорий его предшественников относительно значений двух важнейших грамматических префиксов шумерского глагола — МУ- и Е-. Все перечисленные выше ученые, занимавшиеся данной проблемой, игнорировали элемент субъективности при определении значений префиксов и исходили лишь из объективных факторов. В действительности же в этих глагольных префиксах отражается и субъективный взгляд говорящего на характер действия. Применение префикса МУ- или Е- зависит от того, как говорящий рассматривает действие, выраженное глаголом: если действие совершается, с его точки зрения, в пользу центрального лица предложения, то говорящий применяет префикс МУ-, в противном случае он употребляет префикс Е-.

Не меньшее значение имеет и другая филологическая работа Василия Васильевича, а именно «Категория времени и замена идеограмм в шумерском языке и письме»²⁰.

Исключительно важное значение имел труд В. В. Струве, посвященный выяснению того, является ли знак *ga*, присоединяемый часто к термину *gána* («поле»), грамматическим показателем родительного падежа или же это имя существительное, выступающее в синтаксической функции определения. В зависимости от решения данного вопроса выясняется важная историческая проблема наличия или отсутствия обрабатываемых земель на так называемых высоких полях в древнем Шумере. В статье «Термин *gána-ga* и проблема зарождения частного землевладения в Шумере»²¹ В. В. Струве с такой убедительностью и математической точностью доказал невозможность принять знак *ga* в качестве грамматического элемента и необходимость признания за ним самостоятельного значения предметности как за существительным, что аргументация В. В. Струве была принята без оговорок и зарубежными учеными²².

Но отсюда следовал важнейший исторический вывод о том, что частное землевладение в Шумере зародилось прежде всего на так называемых высоких полях, где требовались дополнительные, весьма трудоемкие работы по орошению. Таким образом, положение, высказанное в докладе 1933 г., теперь получило новое подтверждение в целом ряде других шумерских источников.

Но и в глубоко исторических трудах выводы В. В. Струве являются следствием тончайшего филологического анализа источников. Для примера сошлемся хотя бы на его работу «Борьба с рабством-должничест-

¹⁸ Доклад, прочитанный на научной сессии Ленинградского государственного университета в 1954 г., и тезисы доклада, опубликованные в кн.: «Научная сессия Ленинградского государственного университета 1954—1955 гг. Тезисы докладов по секции востоковедческих наук», Изд. ЛГУ, 1954, стр. 25 и сл.

¹⁹ Префиксы МУ- и Е- шумерского глагола, — ВДИ, 1962, № 4, стр. 91 и сл.

²⁰ «Вестник ЛГУ», серия истории, языка и литературы, 1957, вып. 2, № 8, стр. 85 и сл.

²¹ ВДИ, 1959, № 2, стр. 3 и сл.; № 3, стр. 53 и сл.

²² См.: Revue «Histoire de droit français-et étranger», Paris, 1962, vol. 40, № 3, стр. 475 и сл.

вом в Вавилонии и Палестине»²³. На основании филигранного филологического исследования, доказавшего несостоятельность интерпретации клинописных текстов рядом ученых, он приходит к крайне важному выводу о том, что «статьи 114, 115, 116, и 117 свода законов Хаммурапи свидетельствуют об освобождении царем самого главы семейства от кабальной службы в хозяйстве своего заказчика ради сохранения военной мощи Вавилонского государства»²⁴.

В этой статье разрабатываются проблемы не только аккадской (сумерической) филологии, но и шумерской. Действительно, огромная эрудиция, свободное владение всеми языками источников и широкий охват материала позволяли В. В. Струве привлекать все имеющиеся данные по интересующей его проблеме, независимо от того, на каком языке они имелись. Поэтому в только что названной работе привлечены и подвергнуты тщательному анализу не только аккадские (вавилонские) документы, но шумерские и библейские. Вот почему труды В. В. Струве всегда отличались такой убедительностью.

Большое значение для понимания специфики социально-экономического строя древнего Двуречья и его развития имеют и последующие работы Василия Васильевича по названной тематике²⁵. Многие из них посвящены сложному и чрезвычайно запутанному вопросу о характере реформ царя Лагашского государства Шумера XXIV в. до н. э. Урукагины.

Спорный и трудный, но крайне важный вопрос о характере реформ Урукагины, все данные источников этого бурного периода в истории Лагаша и всего Шумера и их правильная научная интерпретация никогда не переставали интересовать В. В. Струве на протяжении свыше 30 лет, начиная со времени работы над подготовкой своего знаменитого доклада 1933 г., о котором говорилось выше, и до последних дней жизни. Интерпретации исторических надписей Урукагины на конусах В — С Василий Васильевич посвятил и специальный семинар на восточном факультете ЛГУ в 1960—1962 гг. На этом семинаре, к которому автор готовился с исключительной тщательностью, В. В. Струве стремился еще и еще раз проверить свою точку зрения, услышать критические замечания своих учеников и, таким образом, установить истинный характер названных реформ выдающегося шумерского правителя и их социальную направленность.

В. В. Струве готовил большую монографию, посвященную названному периоду истории Лагаша. В процессе подготовки этой монографии и других работ по истории древнего Шумера Василий Васильевич собрал уникальную шумерологическую картотеку, которая, будучи издана, оказала бы неоценимую помощь всем, кто интересуется социальной историей раннерабовладельческого периода, становлением и развитием

²³ «Палестинский сборник», 1958, вып. 3(66), стр. 3 и сл.

²⁴ Там же, стр. 17.

²⁵ Таковы, например: К проблеме частного землевладения в Шумере, — ВДИ, 1959, № 4, стр. 12 и сл.; Значение шумерийского документа, изданного А. П. Рифтиным, для изучения эпохи правителей Лагаша — Лугальанды и Урукагины, — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», 1960, т. XXV, стр. 177 и сл.; Интерпретация строк 14—19 III столбца «Овальной пластинки», — «Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь акад. И. А. Орбели», М.—Л., 1960, стр. 464 и сл.; Удельный вес рабского труда в храмовом хозяйстве досаргоновского Лагаша, — «Вопросы истории», 1960, № 2, стр. 34 и сл.; Число полноправных граждан Лагаша до реформ царя Урукагины, — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», 1960, т. XXXVIII, стр. 3 и сл.; Государство Лагаш. Борьба за расширение гражданского права в Лагаше XXV—XXIV вв. до нашей эры, М., 1961; Проверка при Урукагине, царе-реформаторе Лагаша, боеспособности воинов, получивших ранение, — ВДИ, 1962, № 3, стр. 24 и сл.

рабовладельческого строя. В картотеке собран большой и ценный материал и по другим периодам истории Шумера, а также по шумерской филологии. Институт востоковедения АН СССР и издательство «Наука» АН СССР сделают очень полезное и нужное дело, если издадут карту-теку В. В. Струве и сделают ее доступной для специалистов.

Имя В. В. Струве, бесспорно, принадлежит к числу славных имен представителей русской и советской науки, составляющих ее гордость. Теперь, в эпоху все большей дифференциации наук, их дробления на отдельные отрасли, уже невозможно одному какому-либо специалисту во всей полноте и по достоинству оценить научный подвиг, совершенный крупнейшим советским востоковедом В. В. Струве во славу отечественной и мировой науки. Диапазон его научных интересов был поистине беспредель. Чтобы убедиться в правильности этих слов, достаточно ознакомиться с библиографией его трудов.

В. В. Струве всегда окружал отеческой заботой молодое поколение ученых, помогая ему словом и делом и приучая следовать великим традициям русской и советской науки. Особо бережно Василий Васильевич относился к талантливому студенчеству, готовя будущих ученых, на которых ляжет со временем почетная, но трудная ответственность представлять советскую науку.

Сам крупнейший ученый, востоковед и античник, старейшина советской ориенталистики, В. В. Струве всегда с большим вниманием и уважением относился к своим предшественникам и современникам, неизменно отмечая их заслуги перед отечественной и мировой наукой. Вот почему ряд его трудов посвящен вопросам историографии²⁶.

Светлая память о крупнейшем советском ученом, большом человеке и друге всегда будет жить в сердцах всех, кто его знал.

²⁶ См., например: Б. А. Тураев, крупнейший историк древнего Востока, — ВДИ, 1948, № 2, стр. 75 и сл.; К столетию со дня рождения В. С. Голенищева, — ВДИ, 1957, № 2, стр. 3 и сл.; 100-летие со дня рождения В. С. Голенищева, — «Вестник АН СССР», 1957, стр. 130 и сл.; Значение В. С. Голенищева для египтологии, — «Очерки по истории русского востоковедения», сб. III, М., 1960, стр. 3 и сл.; Ученый-революционер (Н. Я. Марр), — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 3—4, стр. 237 и сл.; Франсуа Шампольон (к 100-летию юбилею дешифровки иероглифов), — «Анналы», 1922, № 2, стр. 3 и сл.; Работа проф. Грозного (Пражский университет), — «Ленинградский университет», 21.XII.1936; П. К. Коковцов как ассириолог, — ЭВ, 1953, т. VIII, стр. 3 и сл. и др.